

ГЛАВА 9

— Завтра выступаем.

Увидев, что Симэнь Цзиньжунь остолбенел, я терпеливо повторил:

— Ты меня слышишь?

— Слышу... Слышу.

«И это действительно сын князя Жуя?» — я невольно вздохнул и, оставив его одного в палатке, вышел в ночную прохладу.

Как говорится, в семье не без урода. Место для лагеря выбрали в лесу — ничего особенного, но для моих целей — самое подходящее.

— Что ты здесь делаешь?

Мне уже расхотелось говорить ему: «Не мог бы ты хоть раз сменить вступительную реплику?». Я лишь мельком взглянул на него и вновь сосредоточился на пляшущих языках пламени.

Он подошёл ближе, и плечи мои окутало что-то тёплое. Обычно такую заботу проявлял только Юйвэнь Му.

— Ночью ветер холодный.

— Да где же он?

Слово не воробей — я тут же почувствовал себя глупо. Сун Хуаймин промолчал. Я неловко поворочался, пытаюсь придумать тему для разговора, но ничего подходящего не шло в голову. Мы оба погрузились в молчание.

— Государственный наставник... — начал он.

— Отец... — одновременно с ним выдохнул я.

Снова тишина.

Неужели мы обречены говорить только о Юйвэнь Му?

Я чувствовал, что их связь с отцом была гораздо глубже, чем простое знакомство, и это вызывало во мне странную смесь раздражения и досады. Я не мог понять, на кого злюсь больше: на отца или на самого Сун Хуаймина.

— Наставник... — опять за своё.

— Те годы, что ты провёл один на чужбине... Тебе было тяжело?

«А тебе-то какое дело?» — так и подмывало ответить.

— Прекрасно мне было. Жил припеваючи, как небожитель, — вопреки недовольству, я всё же ответил, хоть в голосе и проскользнула язвительность.

— Вот как... — Он задумчиво прищурился. — Ему всегда больше подходила жизнь вольной птицы.

В свете костра он вдруг мягко и ностальгически улыбнулся. Я нахмурился и пробурчал себе под нос:

— Так сильно за него печёшься...

Ответа не последовало. Я украдкой взглянул на него и обнаружил, что он наблюдает за мной с нескрываемым интересом. Он посмотрел на меня с озорным блеском. По спине пробежал холодок — такое предчувствие бывает, когда на тебя нацеливается что-то недоброе.

— Чего ты... — начал было я.

Но не успел я договорить «смотришь», как он неожиданно притянул меня к себе и крепко обнял. Его тяжёлая ладонь легла мне на макушку, и он, едва сдерживая смех, проговорил:

— Тяжело тебе без папочки, да? Совсем заскучал?

Я... впал в ступор.

Хоть это и был вопрос, прозвучал он как неоспоримый факт. Но больше всего меня поразило другое: Сун Хуаймин, откуда в твоём арсенале взялись эти приторные реплики из дешёвых романов?

— Хочешь смеяться — смейся... — проворчал я, пытаюсь сохранить лицо.

Он не заставил меня ждать и расхохотался во весь голос, продолжая трепать меня по голове,

но объятий не разжал. Я сердито посмотрел на него, готовый разразиться гневной тирадой, но слова застряли в горле. Я лишь нехотя позволил ему держать себя в объятиях, пока сон не сморил меня.

В тот момент я подумал, что когда он смеётся... он чертовски красив.

Мир встретил рассвет, полный моих надежд. Наступил новый день — день, с которого начнётся мой план побега.

Почему я так не хотел видеть Юйвэнь Му? Я и сам толком не понимал. С того дня, как он ушёл, я думал о нём каждую секунду, но когда Сун Хуаймин заявил, что доставит меня к нему, мной овладел первобытный страх.

Я растолкал спящего мертвецким сном «сынка кумира» и проследил, чтобы он подготовился по моей инструкции.

— Мы... мы действительно сделаем это?

— Естественно! Если ещё раз спросишь об этом, я тебе язык отрежу! — Когда я спасал его, я думал, что он какой-нибудь благородный мечник, попавший в засаду. Оказалось — просто бестолочь в крутых штотках, не способная даже на базовые приёмы.

Выйдя из палатки, мы увидели солдат, готовящих завтрак. Мы пристроились к ним как ни в чём не бывало. За время пути конвоиры привыкли к нам и больше не воспринимали нас как «таинственных гостей» генерала Суна. Мы сидели в кругу, ели, пили и болтали в самой непринуждённой атмосфере.

Сун Хуаймин, разумеется, с простыми солдатами не трапезничал. За это я в душе глубоко презирал его — никакого единения с народом.

Зато это играло мне на руку: моё зелье не должно было подействовать на него и его личного адъютанта напрямую. Остальное зависело от актёрского мастерства нашего «нефритового князя».

Когда еда была готова, я, как обычно, уселся с солдатами. А Симэнь Цзиньжунь увязался за парёнком, который понёс обед генералу под дерево, где стояла повозка.

Я не слышал их разговора. Видел только, как этот олух с жаром что-то доказывает Сун Хуаймину, а тот сидит с каменным лицом и молча ест, будто и вовсе не слышит собеседника.

Затем рука Цзиньжуня дрогнула от избытка «чувств», и пара зёрен риса «совершенно случайно» упала прямо в миску генерала. Сун Хуаймин недовольно нахмурился. Бедняга, изобразив на лице смертный ужас перед его ледяным взглядом, попятился и, спотыкаясь, вернулся ко мне.

Сун Хуаймин высыпал испорченный рис на землю, наполнил миску заново и продолжил трапезу.

Я украдкой показал язык сидящему напротив перепуганному Цзиньжуню и с улыбкой продолжил есть.

Через время, необходимое для горения одной ароматической палочки, весь отряд был в отключке.

— Получилось...

— Рано радуешься! — Я отвесил ему звонкий подзатыльник и с недоброй ухмылкой направился к дереву.

— Ха-ха-ха! Сун Хуаймин! И на твою старуху нашлась проруха! — Я вдоволь посмеялся над бесчувственным генералом, а затем обернулся к дрожащему от страха молодому солдату, который ещё держался на ногах. — Управлять повозкой умеешь?

Тот судорожно кивнул.

— Тогда живо запрягай!

Заставив парня сесть на козлы, мы с Цзиньжуном разогнали всех лошадей отряда и велели везти нас в сторону Шэнцзина.

— Цинмин...

— Чего тебе?

— Ты действительно хороший человек...

— Угу.

— Мы едва знакомы, а ты так мне помогаешь...

— А-а.

— Но даже так...

— Ну?

— Я всё равно не смогу предложить тебе своё сердце и руку...

Бам! Это я приложился головой о стенку повозки. А мгновение спустя над трактом, ведущим к столице, пронёсся яростный вопль:

— Да замолчишь ты наконец или нет?!

В небольшом леске в десяти ли от столицы мы остановились. Симэнь Цзиньжунь своим куцым мастерством умудрился-таки вырубить нашего возничего. Я скормил парню пилюлю, уложил его обратно в повозку и пустил лошадей вскачь — пусть везут его куда глаза глядят. Затем я достал из своего заветного узла флакон и принялся мазать наши лица каким-то порошком.

— Ой, чешется! — недовольно заёрзал он.

— Не чеши! Раздерешь кожу — на всю жизнь уродцем останешься, никакое лекарство не поможет.

Эта пыльца была собрана с безымянных цветов в Долине Забвения Забот. Стоило ей попасть на кожу, как она покрывалась мелкими, уродливыми бугорками. Проходили они сами собой только через полмесяца. Это был способ компенсировать моё топорное искусство маскировки. Пусть наши лица теперь выглядели жутковато, зато это было максимально естественно.

— Ну почему обязательно нужно быть такими страшилами? Разве моё лицо из человеческой кожи не лучше?

— Нет! — отрезал я. Посмотрев на его бровь, которая всё никак не хотела отрастать до нормальной длины, я зарёкся прикасаться к его сомнительным поделкам.

— Кстати, что за пилюлю ты дал тому солдату?

— Лекарство, стирающее память.

— Стирающее память? Разве такое бывает? И зачем это?

— Зачем? Ты о своей шкуре пекишься, а не о других. Пошли живее!

«Этот простофиля действительно сын князя Жуя?» — в который раз засомневался я. Сун Хуаймин взял с собой всего двадцать элитных гвардейцев. Видимо, решил, что раз мы не владеем боевыми искусствами, нет нужды привлекать внимание целой армией для конвоирования нас (а точнее — Цзиньжуня) в столицу. Но при нём был этот солдатик, который выглядел бесполезнее нас обоих. Если он нужен был только для того, чтобы подносить чай, подошёл бы кто угодно. К тому же, план с этим зельем сработал подозрительно гладко, и это рождало во мне смутную тревогу.

Неужели я переоценил Сун Хуаймина? Впрочем, осторожность никогда не лишняя. А пареньку просто не повезло — из-за каких-то неведомых планов своего генерала остаток жизни проведёт дурачком.

Лекарство, что я ему дал, стирает всё прошлое, но побочный эффект — полная потеря рассудка. Цзиньжуню я об этом говорить не стал. Интуиция подсказывала мне не доверять ему до конца.

Мы вошли в Шэнцзин прямо перед закрытием ворот. С трудом удалось найти постоянный двор, где нам разрешили переночевать в деревянном сарае. Глядя на наши нынешние «физиономии» и грязную, рваную одежду (я специально её подрал, чтобы сойти за нищего), я перестал считать, сколько раз нас гнали в шею.

— Когда мы пойдём искать моего отца? — едва устроившись на подстилке из соломы, нетерпеливо спросил Симэнь Цзиньжунь.

— В ближайшее время об этом лучше и не помышлять.

— Почему? «Ближайшее время» — это сколько?

— Ну... год, не меньше.

— Год?! — Он едва не подпрыгнул. — Почему?! Я с таким трудом сбежал из дома, чтобы найти его! Ты обещал, что отведёшь меня к нему!

— Ты прикидываешься или и впрямь идиот? Идти к нему сейчас? Твой отец во дворце! Ты и коснуться дворцовой стены не успеешь, как тебе голову снесут. Если хочешь сдохнуть — делай это без меня!

— Но почему?! Я пришёл увидеть отца! Государь сказал, что он болен, я должен его навестить! Я должен забрать его домой!

— Да замолчи ты! — Я не выдержал и ударил его в нос. Тёплая кровь мгновенно брызнула на пальцы. Я замер, глядя, как он, зажав нос, забился в угол сарая. Огромный парень свернулся калачиком, всхлипывая и что-то бессвязно бормоча сквозь слёзы. Выглядело это... жалко.

«Жалко?» — я усмехнулся про себя. С каких это пор я стал таким сердобольным? Всего лишь разбитый нос. В этом мире полно людей, чья судьба куда горше, — взять хотя бы того солдатика, ставшего безумцем.

— Не знаю, что ты замышляешь, — я подошёл к нему и, схватив за волосы, заставил поднять голову. Кровь, смешавшись со слезами, размазалась по его прыщавому лицу, делая его ещё грязнее. Я брезгливо смотрел на него, чеканя каждое слово: — Ты твердишь, что являешься сыном князя Жуя и пришёл в Шэнцзин, потому что правитель Западной Цзинь сказал о болезни твоего отца. Допустим, я тебе верю. Но прежде чем мы двинемся дальше, ответь мне на три вопроса. Первый: какие у тебя доказательства? Второй: как у великого князя Жуя, мастера меча и пера, мог родиться такой никчёмный сын? И третий, старый вопрос: ты действительно такой дурак или только притворяешься? Отвечай честно, иначе пеняй на себя!

Слабый свет масляной лампы позволил мне ясно разглядеть его тёмные глаза, блестящие от слёз. В них читалась нестерпимая боль и горечь от того, что его подозревают. Он был похож на брошенного ребёнка, который никому не нужен и которого некому пожалеть.

— Почему... почему мне никто не верит? — Сквозь рыдания прорвались прерывистые слова. — Почему... почему я не могу быть его сыном?.. Потому что я тупой? Но я же не специально... Я не хотел быть таким... Но я его сын! Я — Симэнь Цзиньжунь! Мой отец — князь Жуй! Почему ты мне не веришь?! У-у-у... Я тоже хотел быть как он! Хотел писать такие же прекрасные стихи, хотел одним ударом укладывать десяток врагов... Я каждый день зубрил книги и до седьмого пота упражнялся с мечом, я ни минуты не бездельничал! Но... я просто глупый... У меня ничего не получается... ничего... Разве если ты глупый, ты больше не можешь быть сыном своего отца? У-у-у...

Я ослабил хватку. Он снова уткнулся лицом в колени, а я почувствовал странное облегчение. Похоже, он и впрямь простодушный дурак. Значит, пока проблем быть не должно? Но расслабляться всё равно не стоит.

Я осторожно погладил его по голове, словно утешая побитого пса. И прошептал мягко:

— Прости меня, Цзиньжунь.

Он удивлённо вскинул голову. Бедняга явно не понимал, как человек может так быстро меняться: только что метал молнии, а теперь ласково извиняется.

— Цзиньжунь, дело не в том, что я тебе не верю. Просто я боюсь. У тебя есть своё прошлое... а у меня — своё.

— Цинмин?

— Человек, которому я доверял больше всех, предал меня. Он чуть не убил меня... Мне страшно...

Мой голос дрогнул, и я посмотрел на него с наигранной печалью. Он тут же с тревогой сжал мою руку:

— Тебя... чуть не убили?

— Цзиньжунь... Ты ведь не предашь меня? Ты ведь не станешь обманывать меня и пытаться убить, как он?

Слёзы покатались по моим щекам. Когда я посмотрел на него с полным отчаянием, он горячо затараторил:

— Как я могу?! Как я могу хотеть убить тебя, Цинмин? Мы же друзья! Я никогда не обману тебя и уж тем более не убью!

— Да... — Я прижал его голову к своей груди. — Мы ведь друзья. Прости меня, Цзиньжунь. Я не должен был в тебе сомневаться. Прости...

— Всё хорошо, Цинмин. Тебе, должно быть, очень больно... когда тебя предаёт тот, кому ты веришь... — Он вдруг отстранился и посмотрел мне прямо в глаза. — Я обещаю, я никогда тебя не предаю! Где бы мы ни были, мы всегда будем лучшими друзьями! Клянусь, я никогда тебя не предаю!

— Спасибо...

«Никогда не предашь?» — я мысленно усмехнулся. Надеюсь, ты и впрямь настолько глуп, чтобы верить в свои слова... мой «лучший друг».

<http://bllate.org/book/17477/1693927>